

лицемъ, Зъньковскимъ, «транспсихическая» — напр., Сквородю, Гоголемъ).

Возможно, что авторъ и не хотѣлъ дать полной исторіи «философій сердца». Но вслѣдствіе неполноты его очерка, осталась внѣ разсмотрѣнія и одна изъ существеннѣйшихъ связанныхъ съ философіей сердца проблемъ — вопросъ о конфессіональныхъ различіяхъ въ философіи сердца (можно ли говорить о различіяхъ католическаго, протестантскаго и православнаго ученія о сердцѣ и каковы эти различія?).

Надо надѣяться, что авторъ вернется къ проблемамъ «философій сердца», проблемамъ, какъ сказано, «заброшеннымъ» теоретической философіей, но, пожалуй, еще болѣе исторіей философій.

Дж. Чижевскій.

G. D. H. Cole. The Next Ten Years in British Social and Economic Policy. Macmillan and Co, London. 1929. Стр 459.

Новая книга Дж. Коля представляетъ въ двоякомъ отношеніи выдающийся интересъ: извѣстный лидеръ гильдейскаго социализма (см. подробное изложеніе и разборъ его ученія въ нашей статьѣ въ кн. 29 «Совр. Зап.») рѣшительно отходитъ въ ней отъ своей первоначальной точки зрѣнія, и, во-вторыхъ, книга Коля даетъ исчерпывающій анализъ конкретныхъ, чисто практическихъ задачъ, стоящихъ передъ Рабочимъ (правильнѣе — Трудовымъ) правительствомъ Великобританіи. «Я вполне сознаю, говоритъ Коля, что въ этой книгѣ я въ значительной мѣрѣ отказываюсь отъ того, что говорилъ раньше». Основаніе къ этой перемѣнѣ собственныхъ взглядовъ Коля усматриваетъ какъ въ измѣненіи объективной экономической обстановки послѣ войны, такъ и въ сознаніи имъ утопізма своихъ прежнихъ воззрѣній. Предпосылкой до-военнаго социализма было «благополучіе капитализма» и социализація, принимаемая какъ націонализація, имѣла въ виду передачу въ публичную собственность предприятия, «работавшаго на полномъ ходу». Нынѣ положеніе измѣнилось: промышленность, подлежащая социализаціи, тяжело больна, и рѣчь идетъ въ первую очередь о томъ, чтобы возвратитъ ей здоровье. Предлагающій націонализацію долженъ прежде всего показать, что націонализація повлечетъ за собою ростъ производительности и сохраненіе за рабочими реальной (т. е. занимающей себя) работы. Такъ обстоитъ дѣло одинаково въ угольной и во всякой другой промышленности въ Англіи. Это измѣненіе объективной обстановки усугубляется еще тѣмъ обстоятельствомъ, что социалистическая партія въ Великобританіи стала нынѣ правительственной партіей, что возлагаетъ на нее отвѣтственность за состояніе промышленности и рынка труда. Соотвѣтственно этому Коля исходитъ въ своей книгѣ не изъ отвлеченнаго идеала наилучшаго экономическаго строя, а изъ конкретнаго анализа современнаго состоянія британской торговли и промышленности, и въ центрѣ его положительной программы стоитъ проблема борьбы

съ безработицей и возстановленія промышленности, откуда уже вытекають мѣропріятія по проведенію рационализаціи промышленности, ея финансированія, обезпеченія рынка и т. д. Вопросы социализма, рабочаго контроля, реорганизациі банковской системы, налогового обложенія, вѣтшей экономической политики разрѣшаются въ связи и соотвѣтственно съ основной проблемой возстановленія промышленности, такъ же, какъ и цѣлый рядъ другихъ связанныхъ съ ними вопросовъ, какъ напр., земледѣльческая политика, реформа мѣстнаго управленія и школьной системы. Все это придаетъ книгѣ Коля до чрезвычайности конкретный характеръ, почему даже несогласные съ его точкой зрѣнія и мѣрами, имъ предлагаемыми, прочтуть съ интересомъ его книгу, представляющую превосходный обзоръ современнаго экономического, политическаго и культурно-общественнаго состоянія Англіи.

Субъективные мотивы, побудившіе Коля къ измѣненію имъ своихъ взглядовъ, тѣсно связаны съ этимъ поворотомъ социалистической политики въ Англіи въ направленіи конкретности и практицизма. Утопизмъ гильдейскаго социализма проявлялся, по его мнѣнію, въ особенности въ двухъ пунктахъ: съ одной стороны, въ немъ слишкомъ еще сильна была романтическая и типично интеллигентская (Рескинъ) мечта объ одухотвореніи всякаго труда въ хозяйствѣ, о превращеніи его въ творческій трудъ, интересный самъ по себѣ, подобно тому, какъ «мой собственный трудъ интересуетъ меня», «составляя одно съ завѣтнымъ ядромъ моей личности». Но такая организація труда невозможна: исключить механическій трудъ изъ хозяйственной жизни пемыслимо, да и большая часть людей совсѣмъ не стремится и неспособна связать свой повседневный трудъ съ глубочайшими интересами своего я, предпочитая удовлетворять послѣдніе внѣ труда. Самъ уже отчасти сознавая это, гильдеизмъ думалъ найти замѣну личной заинтересованности трудомъ въ крайнемъ развитіи хозяйственнаго самоуправленія, полагая, что активное участіе каждаго работающаго въ управленіи промышленностью можетъ возбудить интересъ его къ труду, который самъ по себѣ лишенъ внутренняго интереса. Отсюда взглядъ гильдеизма на самоуправленіе не только какъ на средство и даже на благо въ себѣ, а какъ на абсолютное и безусловное благо, — взглядъ, составляющій вторую утопическую черту гильдеизма. Демократія, «умножающая безъ нужды комитеты и представительные органы и полагающая, что всякое дѣло дѣлается лучше тогда, когда множество народу занято тѣмъ, что можетъ быть сдѣлано однимъ человѣкомъ», — такая демократія заранѣе обречена на неудачу. Средній человѣкъ не стремится совсѣмъ управлять. «Великая сила консерватизма заключается какъ разъ въ томъ, что онъ не дѣлаетъ ошибки, предполагая, что человѣкъ есть только и исключительно политическое животное». Если сейчасъ, когда рѣчь идетъ о борьбѣ съ капитализмомъ, рабочіе могутъ еще быть длительно заинтересованы въ выборахъ и самоуправленіи, то «по упраздненіи капитализма они почіють на лаврахъ и предоставятъ управленіе промышлен-

ностью тѣмъ, чьи вкусы и способности лежать въ этомъ направленіи». Подлинная демократія «заключается не въ томъ, что всѣ управляютъ или даже назначаютъ делегатовъ для управленія, но въ томъ, что ея обеспечиваются дѣйствительныя средства, гарантирующія такое управленіе, которое отвѣчаетъ нуждамъ управляющихъ». Поэтому самоуправленіе можетъ и должно быть введено въ хозяйственную жизнь лишь въ мѣру, исключаящую возможность «утомленія демократіей» и обеспечивающую дѣйствительное активное участіе въ немъ большинства рабочихъ.

Какъ же самъ Коль понимаетъ теперь социализацию? Конечно, не какъ «простое распространеніе политической власти государства на промышленность и передачу управленія послѣдней государственнымъ департаментамъ съ подчиненіемъ ихъ государственнымъ служащимъ». Какъ разъ заслуга гильдейскаго социализма заключается въ томъ, что онъ «субилъ и окончательно похоронилъ это коллективистическое воззрѣніе». Только коммунисты защищаютъ еще нынѣ это «допотопное» понятіе социализаціи. Всѣ же социалисты «признаютъ теперь, что ростъ социализаціи означаетъ развитіе совершенно новой техники общественнаго управленія и контроля надъ промышленностью». Технику эта совсѣмъ не предполагаетъ націонализаціи всѣхъ промышленныхъ предприятий, означая лишь «подчиненіе всей системы промышленности, какъ цѣлаго, дѣйствительному общественному контролю, пользуясь для достиженія этой цѣли разнообразными средствами соотвѣтственно специальнымъ особенностямъ различныхъ формъ промышленныхъ предприятий». Однимъ изъ такихъ средствъ, применимымъ въ особенности по отношенію къ крупной промышленности, требующей широко идущей рационализаціи и стандардизаціи производства, является «подчиненіе ея особой комиссіи специалистовъ, отвѣтственной передъ парламентомъ въ вопросахъ высшей политики, но надѣленной широкими административными полномочіями». При этомъ нѣкоторыя предприятия или концерны предприятий перейдутъ въ собственность государства или общественныхъ органовъ управленія, иные будутъ подчинены только общему контролю парламентской комиссіи, иные — только пользоваться помощью центральныхъ органовъ промышленности — въ видѣ ссудъ или капитальныхъ вложеній и т. д. Всѣ отдѣльныя комиссіи, въ цѣляхъ координированія ихъ дѣйствій, должны быть подчинены двумъ центральнымъ органамъ: Совѣту національнаго инвестированія и Комиссіи по регулированію физической энергіи и по транспорту. «Рабочее правительство можетъ рѣшить социализировать ту или иную промышленность; но основаніе для этого рѣшенія будетъ частное, а не общее. Оно будетъ социализировать не ради принципа социализированія, а потому, что въ силу специальныхъ условій даннаго частнаго случая социализаціи данной вѣтви промышленности желательна въ общественномъ интересѣ. Въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ будетъ имѣть мѣсто «максимальная социализація», вознагражденіе нынѣшнимъ собственникамъ должно быть выплачено «не посредствомъ выпуска specialнаго займа, а посредствомъ выпуска

въ пользу собственниковъ государственныхъ боновъ, предоставляющихъ право участія въ доходахъ социализированнаго предпріятія, или даже съ оставленіемъ собственникамъ ихъ права собственности на капиталъ, но съ лишеніемъ акціонеровъ права распоряженія имъ». Реформа налога на наслѣдства автоматически съ теченіемъ времени усилитъ роль государства и органовъ общественнаго самоуправленія какъ акціонеровъ крупной промышленности, для чего необходимо предоставить право уплачивать налогъ на наслѣдства бонами и акціями предпріятій. Въ вопросѣ о налогѣ на наслѣдства Коля примыкаетъ къ извѣстной «схемѣ Риньяно», исправленной согласно предложеніямъ Дальтона и имѣющей своей задачей «переводъ наслѣдственной собственности въ руки общества въ теченіе трехъ поколѣній». «То, чего хочетъ социализмъ, есть не налогъ на наслѣдства, а упраздненіе наслѣдства въ его теперешней формѣ. Онъ не желаетъ упраздненія частной собственности; но онъ желаетъ сдѣлать ее безвредной посредствомъ рѣзкаго ограниченія ея объема и посредствомъ воспрепятствованія ея собственникамъ использовать ее для властвованія надъ трудомъ другихъ и надъ жизненными средствами производства».

Такимъ образомъ социализмъ въ пониманіи Коля не означаетъ какого-нибудь однообразнаго порядка собственности. При социализмѣ «будетъ широкое поле дѣятельности для гильдій, для кооперативныхъ товариществъ различнаго типа, для чрезвычайнаго расширенія муниципальныхъ предпріятій, даже для продолженія формъ «частной предпримчивости», лишенныхъ посредствомъ общественнаго регулированія своихъ зловредныхъ социальныхъ и экономическихъ послѣдствій. Цель социализма есть не установленіе однообразія, а регулированіе многообразія экономической предпримчивости на новыхъ началахъ, предназначенныхъ отвѣчать социальнымъ нуждамъ двадцатаго вѣка... Однообразіе мертвить. Социализмъ ищетъ не ограниченія возможностей инициативы, а чрезвычайнаго расширенія ихъ путемъ упраздненія тѣхъ препятствій, которыя нынѣ стоятъ на пути частной предпримчивости — въ силу крайняго неравенства въ распредѣленіи богатствъ и мертвой руки капитализма, видѣшаго въ инициативѣ привилегію одного класса». «Съ развитіемъ социализма формы «соціализации» стремятся, повидимому, ко все большему и большему многообразію, и многообразіе это есть источникъ силы». При этомъ Коля правильно считаетъ, что, отказавшись отъ системы гильдейскаго социализма, онъ остался вѣренъ его идеѣ. Эта послѣдняя сводилась къ двумъ основнымъ началамъ: функціональному принципу и принципу демократическаго контроля надъ хозяйствомъ. Оба эти принципа, составляющіе существо той «новой техники вѣдренія общества въ промышленность», противопоставить которую коллективизму и было исторической заслугой гильдензма, воплотить сохраняются въ предлагаемой нынѣ Колемъ системѣ управленія промышленностью посредствомъ отвѣтственныхъ передъ парламентомъ, но автономныхъ комиссій экспертовъ. Послѣдняя только освобождается отъ того «злоупотребленія формами представительства», которое было глав-

ной ошибкой въ пониманіи гильдеизмомъ демократіи. Да позволено мнѣ будетъ здѣсь отмѣтить, что критика Колямъ своей прежней точки зрѣнія во многомъ совпадаетъ съ критикой гильдеизма, предложенной мною три года тому назадъ на страницахъ этого журнала (кн. 29 - 31), а новое пониманіе имъ социализаціи очень приближается къ тому, которое я пытался развить тамъ-же подъ названіемъ «инволюціи собственности».

За недостаткомъ мѣста я принужденъ ограничиться здѣсь общей характеристикой новой точки зрѣнія Коля и не могу уже войти въ разсмотрѣніе крайне интересныхъ деталей, касающихся предлагаемыхъ ею мѣропріятій по борьбѣ съ безработицей, восстановленію промышленности, расширенію рынка, такъ же какъ вытекающихъ изъ нея реформы парламента, мѣстнаго управленія (на началахъ регионализма) или системы образованія. Всѣ эти реформы идутъ въ направленіи «деволюціи государства», такъ что и здѣсь Коль остается вѣрнѣе основной идеѣ гильдеизма, хотя и предоставляетъ государству большую роль, чѣмъ та, которая оставалась ему въ гильдейской системѣ. Повторяю, содержаніе книги — не изложеніе отвлеченнаго наилучшаго строя, а характеристика ближайшихъ 10-ти лѣтъ политики Рабочаго правительства. Эта сторона книги, тѣсно связанная съ характеристикой современнаго политическаго и экономическаго положенія Англій, заслуживаетъ особаго разсмотрѣнія. Для всякаго, интересующагося этимъ послѣднимъ вопросомъ, книга Коля будетъ служить надежнымъ и незамѣнимымъ источникомъ.

С. I. Гессенъ.

Samuel Northrup Harper. Civic Training in Soviet Russia. The University of Chicago Press. Chicago, 1929. Стр. 401+XVI.

Книга эта, принадлежащая перу извѣстнаго знатока Россіи, профессора русской исторіи и литературы Чикагскаго Университета, рѣзко выдѣляется изъ обширной литературы о Сов. Россіи, наводняющей сейчасъ иностранннй книжный рынокъ. С. Гарперъ неоднократно бывалъ въ Россіи, еще начиная съ 1904 года, видѣлъ Россію во время войны (1915 - 1916), во время Временнаго Правительства (лѣто 1917 г.) и, наконецъ, провелъ нѣсколько мѣсяцевъ въ теченіе лѣта и осени 1926 г. Эти личныя впечатлѣнія, обогащенные бесѣдами со старыми и новыми знакомыми, прекрасно дополняются у Гарпера совершенно исключительнымъ знаніемъ литературы вопроса, какъ русской, такъ и иностранной. Вполнѣ понятно, что онъ видѣлъ въ Россіи не только показную сторону, но и подлинную реальность.

Посвященная «гражданскому воспитанію въ Сов. Россіи» книга Гарпера есть одинъ изъ томовъ издаваемой Чикагскимъ Университетомъ подъ редакціей Чарлза Мерріама серіи «Studies in the Making of Citizens»), книга Гарпера значительно шире своего заглавія. Въ ней 16 главъ (Гражданство въ Совѣтскомъ Союзѣ, Коммун. Партія, Комсомоль, Пионеры, Пресса, Сов. Государство, Проф. Союзы, Кооперативное движеніе, Совѣтская общественность, Музеи и экскурсіи,